

УДК 94(47).083+929

Вымысел и историческая правда в мемуарах Б. В. Савинкова

С. В. Мосолкин

Мосолкин Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и культуры, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., mosolkinsv@mail.ru

В статье анализируется творчество одного из лидеров партии эсеров Б. В. Савинкова. Исследуется влияние творческого начала на достоверность мемуаров. С позиций документальной фактографичности рассматриваются объективность мемуаров Савинкова как исторического источника, причины, побудившие Савинкова писать мемуары, значение, которое придавал им сам автор, а также влияние мемуаров на его современников. Литературные описания сравниваются с исторической действительностью.

Ключевые слова: Борис Савинков, мемуары, воспоминания, социалисты-революционеры, революционный терроризм, историческая достоверность.

Fiction and Historical Truth in Boris Savinkov's Memoirs

S. V. Mosolkin

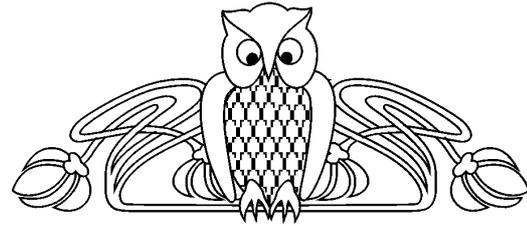
Sergei V. Mosolkin, <https://orcid.org/0000-0002-5514-9086>, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia, mosolkinsv@mail.ru

The article analyzes the literary creativity of one of the leaders of the Socialist Revolutionary Party, Boris Savinkov. The influence of creativity on the reliability of memoirs is investigated. From the standpoint of documentary facts, the objectivity of Savinkov's memoirs as a historical source is considered. The author explores the reasons that prompted Savinkov to write memoirs. The author investigates the importance attached to the memoirs. The influence of memoirs on his contemporaries is investigated. Literary descriptions are compared with historical reality.

Keywords: Boris Savinkov, memoirs, socialist revolutionaries, revolutionary terrorism, historical authenticity.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-288-291>

При изучении истории большую роль играет историческая память, она отражает значимость и актуальность информации о прошлом в настоящем и будущем. Важным элементом исторической памяти являются документы личного происхождения. Мемуары (воспоминания) как один из видов документов личного происхождения имеют ряд отличительных черт, работа с ними сложна в силу того, что они приближены к литературным произведениям. Но, с другой стороны, они отражают историческую эпоху, помогают понять, осмыслить время через участника тех или иных событий, автора мемуаров. «Всякий другой источник может значительно глубже ос-

ветить отдельные стороны того или иного исторического явления, однако как правило не будет содержать характеристики общей обстановки, в которой происходили эти события»¹.

Партия эсеров имеет богатую историю и является предметом исследований отечественных² и зарубежных³ историков, большинство из которых не обошлись без анализа воспоминаний эсеров⁴. Одни авторы использовали воспоминания для написания истории партии⁵, другие – для освещения вопросов, связанных с революционным терроризмом⁶. Современные ученые, все больше уделяющие влияние судебным процессам над эсерами, также используют мемуары членов этой партии⁷.

Мемуары писались многими членами партии социалистов-революционеров. Они принадлежат тем социалистам-революционерам, которые стояли у истоков ее зарождения и играли в ней значительную, а часто и руководящую роль. Среди них лидер и теоретик партии В. М. Чернов⁸, руководитель Боевой организации Б. В. Савинков⁹, выдающийся организатор и лидер партии Г. А. Гершуни¹⁰, член ЦК Партии Е. К. Брешко-Брешковская¹¹ и др. Каждое воспоминание является особым памятником истории с неповторимыми чертами и свойственными каждому автору индивидуальностями. Однако, несмотря на это, воспоминания эсеров имеют ряд общих черт. Все мемуары содержат описания образов отдельных членов партии, созданные из опыта личного общения авторов с ними. Они объединены единными хронологическими рамками, освещают период террористической деятельности партии, имеют общую идеологическую направленность, определенную партийными установками, раскрывают психологию и этические принципы революционера: служить народу, стойко переносить тяготы подпольной и тюремной жизни, не давать показания на суде. Необходимость в написании мемуаров определила «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская: «Чтобы строить будущее, необходимо знать прошлое»¹². Или, как точно подчеркнет Е. Е. Колосов, мемуары – это «свидетельские показания перед грядущим судом истории»¹³.

Воспоминания Б. В. Савинкова из всего этого массива мемуарного творчества вызывают особый интерес. Они до сих пор являются и, вероятно, долго будут служить основным источником для изучения истории эсеровского терроризма. Чем же это объясняется?

То, что Савинков имел писательский талант, не вызывало сомнения ни раньше при его жизни, не вызывает сомнения и сейчас. Литературное дарование Савинкова оттачивалось, начиная с молодых лет, когда он еще студентом стал увлекаться революционным движением. Хочется отметить, одно из его первых, достаточно известных сочинений того времени – это статья «Петербургское рабочее движение и практические задачи социал-демократии». Таких статей немало было написано Савинковым в то время. Эта осталась в истории потому, что на нее обратил внимание В. И. Ленин в своей работе «Что делать?». Основное внимание В. И. Ленина, конечно же, привлекали политические взгляды и идеи автора. Он соглашался с некоторыми из них, других критиковал, но в целом давал положительную оценку статье: «Замечательная по своей правдивости и живости и достойная внимания по работе своей мысли»¹⁴. Редактор Л. Мартов вспоминал, что статьи Савинкова того времени были написаны в одно время, что и статьи Ленина, «почти в тех же выражениях и с еще большими крайностями»¹⁵.

Вершиной мемуарного творчества Савинкова являются мемуары о лучшем, по мнению самого автора, периоде жизни – годах террористической борьбы партии эсеров.

Но не одним литературным талантом Савинкова определен не угасающий интерес к его творчеству. Нас будет интересовать не литературная сторона его воспоминаний, а их историчность. Все, что было написано Савинковым в художественном жанре, претендует на документальность и автобиографичность. Но как справедливо замечает историк С. А. Никитин, для того чтобы оценить мемуары, необходимо «выяснить, кто автор мемуаров, какие побудительные причины толкали автора на написание мемуаров, какую задачу преследовал он, совершая эту работу, какова его точка зрения»¹⁶.

Оценка, которую давали Б. В. Савинкову его товарищи по партии, была далеко не однозначной. «Савинков подходил к вековой вологодской памяти: он был той же грозной породы, как соборный камень»¹⁷, – говорил о нем А. Ремизов. Именно человек этой «породы» напишет воспоминания, которые читали, обсуждали в недалекие от описанных событий времена и продолжают анализировать в наше время. Его волевые качества, беззастенчивость в выборе средств, организаторские способности отмечали все, кому приходилось с ним встречаться.

Друг и соратник мемуариста В. Чернов, давая оценку взглядам и суждениям Савинкова, напишет: «Весь взвинченный, приподнятый, иногда немного ходульный, он в своих построениях рисовал самопожертвование, гибель, красивую смерть, а за ней – свободу России. В центре его психики стояла проблема – суметь умереть. А тут вдруг лавиной обрушилась новая проблема –

суметь жить»¹⁸. Практически о том же напишет в своих мемуарах философ и публицист Ф. Степун, не друг, но человек, близко знавший и общавшийся с Савинковым: «Оживал Савинков лишь тогда, когда начинал говорить о смерти. Я знаю, какую я говорю ответственную вещь, тем не менее, не могу не высказать уже давно преследующей меня мысли, что вся террористическая деятельность Савинкова и вся его кипучая комиссарская работа на фронте были в своей последней, метафизической сущности лишь постановками каких-то лично ему, Савинкову, необходимых опытов смерти. Если Савинков был чем-нибудь до конца захвачен в жизни, то лишь постоянным самопогружением в таинственную бездну смерти»¹⁹.

Осмысление «права» на идейное убийство является центральной темой всех мемуаров Савинкова. Менялась лишь их оценка в зависимости от времени, когда были они написаны. Идеолог террора Савинков все время в своем творчестве поднимал вопрос о ценности человеческой жизни и о моральных мучениях революционеров за совершенные ими убийства. Что это – моральные мучения или очищение перед историей? Как мемуарист Савинков не мог не осознавать, что по его воспоминаниям потомки будут судить о террористической деятельности партии, но как революционер не мог не пропагандировать террор. Возможно, эти противоречия и явились причинами того, что не все верили в искренность его терзаний. Народнице В. Н. Фигнер эти проблемы казались надуманными и фальшивыми. «Неизвестно, насколько искренен был Савинков; человек, пославший боевика, убить предателя на глазах у родителей, неоднократно отправлявший своих друзей-подчиненных на верную смерть – не очень похож на внутренне раздвоенного и рефлектирующего интеллигента. Его художественные произведения достаточно холодны и навеяны скорее декадентской литературой, чем внутренними переживаниями»²⁰.

Опираясь на реально историческую фактографию, мемуары не претендуют на историческую объективность и достоверность, хотя основываются на реальных событиях и фактах. Подробности подготовки покушений, «будни» террористического подполья, террористические акты и суды над их исполнителями – все это описано в мемуарах Б. Савинкова.

Мемуары Савинкова также являются ценным документом при рассмотрении вопроса о финансировании террористической деятельности эсеров. Известен факт, что «жили террористы на широкую ногу, в деньгах недостатка никогда не знали»²¹. В мемуарах неоднократно говорится о том, на какие средства готовились и осуществлялись террористические акты. «В то время Боевая организация обладала значительными денежными средствами: пожертвования после убийства Плеве исчислялись многими де-

сятками тысяч рублей²²», – пишет Савинков в воспоминаниях. «В Женеве по случаю убийства Плеве царило радостное оживление <...> В Боевую организацию поступали многочисленные денежные пожертвования²³», – читаем далее. «Денег было довольно²⁴», – вновь подчеркивает он, говоря о подготовке нового покушения; «поступило на русскую революцию пожертвование от американских миллионеров в размере миллиона франков»²⁵. О том, что химические лаборатории располагались за границей²⁶, и динамит эсеры перевозили из-за границы²⁷ также написано в мемуарах.

Сам того не подозревая, Савинков рассказывает о том, что революционный террор в России был не только выгоден, приветствовался со стороны стран Европы, но и финансировался ими. Создание и финансирование террористических организаций из-за границы – было раньше и имеет место в наше время.

К главным преимуществам мемуаров Савинкова можно отнести то, что они писались по свежей памяти.

Мемуары, «которые велись во время самого процесса борьбы или вскоре после выбытия из строя деятеля, когда впечатления у автора еще живы и не утрачено общественное настроение только что пережитого и перечувствованного»²⁸, по мнению Н. Тютчева, вызывают особый интерес. То, что воспоминания были написаны практически сразу после описанных событий, объясняет их детальность и подробность изложенных фактов. Причем эта особенность «Воспоминаний» Савинкова имела определенное воздействие на участников событий. Интересен тот факт, что даже враги, участники событий с «другой баррикады», невольно утопая в обилии фактов и событий, начинают верить всему написанному Савинковым. Начальник особого отдела департамента полиции Л. А. Ратаев, прочитав статью Савинкова в журнале «Социалист-революционер», посвященную делу Плеве, был искренне удивлен: «Его рассказ дышит такой правдивостью, разные мысли, подробности совпадают с такими мелкими деталями, которые в свое время видны были мне с «другой баррикады», что как-то невольно верится всему тому, что он говорит»²⁹. Ратаев, являясь руководителем провокаторской работы Азефа в 1902–1905 гг., был глубоко убежден в том, что Азеф служил ему добросовестно. И никто его не мог переубедить в противоположном. Все поменялось после прочтения им «Воспоминаний» Савинкова, он получает почти реальные доказательства измены. Неопровержимая историчность документа не вызывала у него сомнения. Ратаев и критикует, и сопоставляет то, что есть в воспоминаниях Савинкова с тем, что он знал в силу своего служебного положения. Этот факт восприятия «Воспоминаний» Савинкова лицами, настроенными против автора, показателен.

Вопросом достоверности «Воспоминаний» занимались и соратники Савинкова по партии. Н. Тютчев, хотя и не являлся поклонником беллетриста-Савинкова, подробно изучал подлинность мемуаров. Это нетрудно было ему сделать, так как многие факты были известны ему и он сам был знаком со многими боевиками. В образах революционеров, которыми Савинков одарил русскую литературу, Н. Тютчев не увидел живых людей. «Они ему казались ходульными, для чего-то измышленными автором»³⁰, Тютчев указывает на многие неточности в воспоминаниях Савинкова, а также на то, что автор использует беллетристские приемы в описании событий, и на основании этого приходит к выводу, согласно которому воспоминания Савинкова нельзя использовать как исторический документ. В своих заметках по этому вопросу, особенно в главе «Беллетристические погрешности воспоминаний Савинкова», давая оценку Савинкову как мемуаристу, он все же смягчает свою критику, полагая, что Савинков еще не исчерпал себя, поэтому нельзя быть категоричными в суждениях о нем.

Друг и соратник Савинкова Колесов напишет, что беда Савинкова в том, что его мемуары были слишком литературными, поясняя это так: «Хорошо когда мемуарист мыслит образно, но когда он склонен благодаря живости своего изображения, отождествлять с действительностью – его правдивость подвергается большому искусу»³¹. Но «когда человек долго и подробно «на протяжении нескольких сот страниц» рассказывает свою жизнь, то в конце – концов вольно или невольно, в той или другой форме, он вынужден сказать правду о себе»³², – отмечает он же.

Слабым местом в мемуарах Савинкова является отношение его к Азефу. Большинство исследователей подчеркивают, что первая часть была написана еще тогда, когда он считал Азефа революционером. Азевщина скомпрометировала партию эсеров. Одной из целей «Воспоминаний террориста» было реабилитировать себя, именно этим определена идеализация образов террористов в мемуарах Савинкова.

Таким образом, мемуары одного из организаторов самых громких политических террористических актов, несмотря на обоснованные упреки в субъективности, являются важным документом идейных поисков эпохи первой русской революции. Кроме того в настоящее время они рассматриваются как довольно объективный с позиции документальной фактографичности источник исторического материала.

Примечания

- ¹ Зайончковский П. А. Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях / под ред. П. А. Зайончковского: в 13 т. М., 1977. Т. 1. С. 3.
- ² См.: Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997.

- 3 См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997.
- 4 См.: Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998.
- 5 См.: Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.
- 6 См.: Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000.
- 7 См.: Варфоломеев Ю. В. Знаменитые судебные процессы по делам революционных террористов в России (1901–1911). Энгельс, 2009.
- 8 См.: Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953.
- 9 См.: Савинков Б. В. Воспоминания террориста. М., 2006.
- 10 См.: Гериуни Г. А. Из недавнего прошлого. Париж, 1908.
- 11 См.: Брешко-Брешковская Е. К. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920 / пер. с англ. А. А. Игоревского. М., 2006.
- 12 Там же. С. 14.
- 13 Колосов Е. Е. Савинков, как мемуарист // Каторга и ссылка. 1928. № 3 (кн. 40). С. 171.
- 14 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 74.
- 15 Мартов Л. История русской социал-демократии. Изд. Книга. 1918. С. 77.
- 16 Никитин С. А. Источниковедение истории СССР: в 2 т. М., 1940. Т. 2. С. 100.
- 17 Ремизов А. Иверень : загогулины моей памяти : главы из книги // Север. 1991. № 3. С. 82.
- 18 Чернов В. От «Революционной России» к «Сыну Отечества» // Летопись революции (Берлин ; Пг ; М.). 1923. С. 77.
- 19 Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М., 1995. С. 369.
- 20 Фигнер В. Запечатленный труд : в 3 т. М., 1933. Т. 3. С. 157.
- 21 Савинков Б. В. Воспоминания террориста. СПб: ООО Издательство «Питер», 2016. С. 6.
- 22 См.: Савинков Б. В. Воспоминания террориста. М., 1991. Переиздание. М., 2006. С. 85–86.
- 23 Там же. С. 75.
- 24 Там же. С. 121.
- 25 Там же. С. 127.
- 26 Там же. С. 128.
- 27 Там же. С. 140.
- 28 Тютчев Н. С. Заметки о воспоминаниях Б. В. Савинкова // Каторга и ссылка. М., 1924. № 5 (кн. 12). С. 49.
- 29 Былое. 1910. № 2 (24). С. 187–210.
- 30 Тютчев Н. С. Указ. соч. С. 52.
- 31 Колосов Е. Е. Савинков как мемуарист // Каторга и ссылка. М., 1928. № 3 (кн. 40) . С. 170.
- 32 Там же. С. 171.

Образец для цитирования:

Мосолкин С. В. Вымысел и историческая правда в мемуарах Б. В. Савинкова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 288–291. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-288-291>

Cite this article as:

Mosolkin S. V. Fiction and Historical Truth in Boris Savinkov's Memoirs. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 288–291 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-288-291>